

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 323.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-75-82

«ПРУССКИЙ ТАЦИТ» БАРТОЛЬД НИБУР: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Сазонова Т. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести анализ историко-политического аспекта научного дискурса Германии и Италии в начале XIX в.

Процедура и методы. В статье рассмотрен конкретный пример полемики учёных двух стран. Освещены аргументация и формы полемики, связь с политическими течениями. При проведении исследования применены методы сравнения, обобщения, интерпретации результатов и политико-текстологический анализ.

Результаты. В ходе работы была выявлена роль источников, ставших причиной борьбы двух академических центров. Кроме того, автором обоснован вывод о влиянии на конфликт национального компонента.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение социально-политической мысли Европы XIX в., затрагивая актуальные проблемы современности – исторической политики и реституции.

Ключевые слова: историческая политика, Geschichtspolitik, источники, реституция, Нибур, Римская церковь, Германия, Италия

THE «PRUSSIAN TACITUS» BARTHOLD NIEBUHR: HISTORICAL POLICY IN GERMANY AND ITALY IN THE EARLY 19TH CENTURY

T. Sazonova

*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct an analysis of the historical and political aspects of the academic controversy between German and Italian historians in the early 19th century.

Methodology. The origin of the disagreement among the scientists of both countries is reviewed in the article. The arguments and polemics forms are traced, as well as the connection with political movements. Such methods as comparison, synthesis, interpretation of results, political and textual analysis were applied in the work.

Results. The article shows the role of the sources which became the cause of struggle between the two academic centers. Besides, the author draws a conclusion on the impact of the national component on the conflict.

Research implications. The research results contribute to the study of socio-political ideas of Europe in the 19th century. It also concerns the contemporary problems of historical policy and restitution.

Keywords: historical policy, Geschichtspolitik, sources, restitution, Niebuhr, Catholic Church, Germany, Italy

Введение

Исторические дисциплины всегда были неотделимы от политики и подвержены политической цензуре в неменьшей степени, чем свобода слова. Значимую роль в этом деле играли источники, на основании которых строились исследовательские догадки и предположения; и потому они всегда представляли интерес для тех политиков, что стремились, овладев прошлым, утвердиться в будущем.

Среди крупнейших политических фигур XVIII–XIX вв. таким был Наполеон, жаждущий подчинить себе не только само человеческое существо, но и историю. Его итальянская кампания окончилась изъятием из библиотек Милана, Рима, Венеции древних рукописей и палимпсестов. Согласно договорённостям Венского конгресса, изъятые рукописи должны были вернуться обратно в Италию, претендовавшую (на правах имевшихся источников) на звание главного археографического центра Европы.

Конкуренцию Италии составляла Пруссия и в целом Германия, которая славилась своей академической подготовкой, в т. ч. и в исторической науке. Несмотря на трудности с финансированием, в германских землях по-прежнему открывались университеты, а их лоно рождало авторов новых научных методов. В их числе был Б. Г. Нибуhr, отметившийся и на политическом поприще [3, с. 26–58]. Такие, как он, пытались пробиться в Италию для обретения новых источников знаний, столкнулись с глухим сопротивлением. Расхождение в методах и принципах исследования породило в академи-

ческой среде двух стран соперничество, которое отнюдь не исчерпывалось научной спецификой.

В столкновении двух центров – немецкого и итальянского – помимо академической стороны вопроса присутствовал политический аспект. В то время как итальянская историческая наука была тесно связана с деятельностью католической церкви, сосредоточившей внутри своих библиотек (Ватиканской, Амброзианской и др.) и архивов много древних источников и представлявшей собой не только духовный, но и влиятельный политический институт, прусская учёная коргорта имела поддержку со стороны первых лиц государства; нередко это были фигуры, задействованные как в политике, так и в науке, например, Гумбольдт или сам же Нибуhr. Борьба за первенство в науке сливалась с национальной рознью; существенную роль в этом вопросе играла политическая раздробленность, которую переживала каждая из стран. Положение усугублялось последствиями наполеоновских войн (хотя в случае с Италией это имело свои нюансы, как, например, политика, проводимая правительством Ж. Бонапарта в Неаполе, и те элементы гражданской жизни, которые он успел привнести [10, pp. 113–114, 177]). Наряду с азартом первооткрывателей причиной соперничества двух интеллектуальных центров была национально-идеологическая конфронтация. Не имея достаточных средств для восстановления, каждая из сторон боролась за право причислить себя к наследникам великой Римской империи, оспаривая притязания друг друга.

Борьба за науку

Претензии немецкого антиковедения к итальянской науке во многом сводились к обвинению её в пренебрежении языками – латынью и древнегреческим. Имея доступ к сохранившимся богатым коллекциям предметов древности и документов, далеко не все учёные Италии (прежде всего, Рима) в должной мере знали языки, что приводило к ошибочной идентификации и неизбежным переоценкам [14, p. 183]; в этом сознавались сами итальянцы [13, p. 71].

Широта взглядов и научный интерес толкали немцев на дальнейшие свершения, в т. ч. на критику сложившихся итальянских традиций в истории, литературе. Однако вследствие подобного рода «посягательств» (наиболее ярким стал спор, инициированный мадам де Сталь после публикации её статьи «О духе и пользе переводов» в одном из миланских журналов [4]) ревнители классической итальянской культуры были склонны к тому, чтобы рассматривать любое вмешательство со стороны как культурную интервенцию, а немецкую филологию – как своего личного врага. Эта реакция не была беспочвенной. Помимо того, что Италия представляла собой бескрайнее поле для научной деятельности, мнение о ней историков и публицистов нередко пересекалось с политической повесткой. Так, журнал, в котором была опубликована статья де Сталь, создавался как инструмент культурной политики австрийских властей.

Ещё одним обстоятельством, породившим в немецких и итальянских академических кругах неприязненное отношение друг к другу, стало расхождение в принципах цитирования. В то время как для итальянцев цитирование давних авторитетов было непреложной традицией, их научные противники видели в этом изжившую себя привычку, от которой они давно отошли [10, p. 52–53]. Отпечаток накладывало пребывание в со-

ответствующей среде – на начало XIX в. итальянские города были главным средоточием древних текстов. Вследствие этого местные учёные, нередко занимавшие высокие и влиятельные посты внутри Римской церкви, были склонны рассматривать имеющиеся у них научные реликвии как личную собственность, в связи с чем отсутствие должного упоминания воспринималось ими как проявление открытого неуважения к авторитету их авторов, и косвенно – к своему собственному. Критикуя методы работы немецких учёных, итальянский филолог А. Пейрон писал о своём намерении излить свой гнев на немцев, которые, по его мнению, слишком часто и произвольно вмешивались в тексты [13, p. 64].

Другой причиной мог быть аспект, связанный с цензурой. В то время как в Германии прецедент Лютера положил начало традиции, располагавшей к более вольному толкованию текстов, в странах, где преобладал католицизм, действовала Святая инквизиция. Те, кто хотел сказать больше, избежав обвинения в ереси, были вынуждены искать способы сделать это легитимно. Иногда это было обусловлено цензурой не только церкви, но и действующей власти; говоря об узурпаторе Медичи, Макиавелли пишет от лица его противников [6, с. 387]. В дальнейшем привычка частого цитирования сохранилась, став частью итальянской науки. В свою очередь, немецким историкам большая степень свободы позволяла писать от своего имени, не пытаясь отгородиться цитатами древних классиков, как считом. Во времена Нибура в Германии (а также в Англии, которая, несмотря на весь прогресс, в ряде случаев оставалась глубоко консервативной) таких, как он, могло ожидать публичное порицание, вызванное свержением древних исторических идолов, но не более того [12].

Таким образом, методы итальянских учёных заставляли их придавать текстам слишком большое значение, теряя из виду если не истину, то, в конечном итоге, цель

собственного исследования. В то время как немецкая традиция демонстрировала тенденцию к новаторству, как это было в случае с Нибуром, иллюстрирующим древность примерами, взятыми из современности, итальянская наука нередко обращалась в прошлое, отрешаясь от реалий сегодняшнего дня. Помимо этого, при знакомстве с историческими трудами итальянских авторов немецкие учёные отмечали низкое качество издания, в частности, малоудобную систему транскрибирования палимпсестов – систему, которую Нибур открыто критиковал в своём отчёте Прусской академии наук и которая оставляла за первооткрывателем знание нюансов оригинала [13, р. 59].

Римская церковь, в свою очередь, не оставалась безмолвной; её кардиналы использовали все имеющиеся полномочия, чтобы, затмив своих соперников, утвердить собственную правоту. Самым распространённым средством был запрет на использование литературы или вовсе посещение библиотеки. Нередко это действовало и в отношении собственных учёных, даже таких именитых первооткрывателей, как Пейрон. Другим видом «санкций» мог стать негласный запрет на печатание статей: разжившись широким кругом влиятельных и полезных знакомств, кардиналы при случае оказывали влияние на итальянских редакторов, заставляя их отказываться в публикации [13, р. 19–23].

Нельзя сказать, что в Германии ситуация с распространением иностранных произведений обстояла разительно иначе. Вследствие жёсткой государственной цензуры лучшие учёные страны могли не знать о том, какие громкие открытия были совершены «по другую сторону Альп» (что впоследствии дало повод противникам Нибура спекулировать на нюансах в деле открытия им Гая). Будучи распространённой, печатная деятельность в ряде немецких государств относилась к сфере политических привилегий. Однако если в Прусской академии

наук цензура осуществлялась «сверху», то внутри Римской церкви она действовала не только на общих основаниях, но и по личному усмотрению её кардиналов, усиленная круговой порукой.

В то же время, несмотря на обоюдную критику и порой бескомпромиссное противоборство, интерес к древним текстам в Германии в ряде случаев восходил к стараниям именно итальянских учёных, например к Шипионе Маффеи, чьи графики натолкнули Нибура на поиски палимпсеста, оказавшегося впоследствии «Институциями» Гая. Не только в Германии, но и в Италии такие исследователи, как Пейрон и А. Май достигли немалых успехов в области поиска и исследования древних произведений, хотя и с разной тщательностью и разными методами работы (а результаты исследований итальянских учёных в XX в. и вовсе позволили им одержать академический реванш [2, с. 62]).

Тем не менее для Нибура вопрос значимости итальянских учёных для исторической дисциплины ставился под сомнение. Существенную роль в его взглядах на дальнейший академический потенциал Италии сыграли наблюдения за итальянцами в Риме в ходе дипломатической миссии [7]. Обнаруженное невежество римских граждан и старомодная, порою мнимая учёность папских кардиналов, стоявших скорее ближе к средневековым схоластам, нежели к учёным Нового времени делали их в глазах Нибура недостойными обладания бесценных реликвий истории, что проявилось при первом удобном случае – в ходе Венского конгресса.

Борьба за источники – борьба за историю

Нибур, зная, что в результате Венского конгресса итальянские книги и рукописи, изъятые Наполеоном, будут возвращены назад, обращается к прусским властям с просьбой отправить его в Париж, чтобы забрать всю ценную литературу в Бер-

лин. Сперва он пишет королю Фридриху Вильгельму III, несколько дней спустя – прусскому военачальнику Нейдхардту фон Гнейзенау [13, р. 132]. Однако ни король, ни вышестоящие министры не откликнулись на его просьбу. В течение месяца Нибур продолжал настаивать на легитимности предложенного им плана, доказывая его справедливость тем, что некогда часть упоминаемых рукописей исторически принадлежала библиотекам Гейдельберга. Впоследствии некоторые латинские и греческие рукописи из библиотеки Гейдельберга действительно были возвращены туда в 1815 и 1816 гг. – по неоднократной инициативе местных профессоров и благодаря посредничеству прусского правительства и великого герцога Бадена. Тем не менее дерзкий план Нибура не был реализован, хотя, по его мнению, немцы имели все основания получить неограниченный доступ к этой великой культурной и интеллектуальной собственности – как минимум, на правах наиболее учёной нации.

Эту мысль Нибур чуть более полно раскрывает во введении первого тома «Римской истории» [11, р. IX]. В нём он восходит до патриотического пафоса, свойственного ему, когда речь заходила о судьбе немецкого государства и народа (подобно многим своим современникам, в соответствующих случаях Нибур говорил о «народе», «нации» и «Германии» в целом). Косвенно упоминая о важнейших событиях тех лет – крушении прежних политических институтов в Европе и угрозе французской интервенции, ставшей реальностью, – историк пишет о них как о сыгравших неоспоримо важную роль в формировании немецкой нации (со временем эта концепция подверглась пересмотру [8]). Соппротивление политическим вызовам Нового времени побудило население разрозненных немецких земель – бывших осколков Священной Римской империи – к тому, чтобы, объединившись, почувствовать себя единым целым, ощутив собственное призвание к

изучению древней истории. Такое определение миссии для немецкой нации приводит Нибура к сравнению её с древнеримским историком Тацитом, отличившимся попыткой правдиво описать исторические события, избежав придворных условностей. «Мы ощущали себя Тацитом» – фраза, которая среди исследователей Нибура стала во многом расхожей и даже крылатой (апофеозом стала его биография за авторством министра иностранных дел Бонна с соответствующим названием [15]). В дальнейшем мысль об идентичности с Древним Римом Нибур подтверждает ещё раз, проводя параллель между нынешним временем и античной давностью [11, р. X].

Утверждая незримую связь между народами древности и современниками, Нибур стал одним из тех, кто озвучил запрос немецкого общества на национальную идею. Изучение истории древних римлян подразумевало сближение с ними, тень их величия падала на немецких исследователей. Это давало возможность говорить о Германии как о едином, несмотря на бытующие реалии, и прославленном государстве, с другой стороны – как о «стране учёных»; образ политического будущего, который сложился у Нибура ещё в юношеские годы в период его пребывания в Англии. Такой взгляд на призвание нации способствовал складыванию в европейских умах, наряду с персонажем зажиточного бюргера, образа учёного-немца, представленного с трагедийной стороны Гёте («Фауст») и развитого в стихотворении А. И. Полежаева (1804–1838) до гротеска [5].

Заключение

Таким образом, за критикой научных методов (во многом небеспочвенной) скрывалась дискуссия о том, кто в большей степени вправе обладать источниками, представлявшими собой истинную суть спора и, в контексте их политической значимости, особый вид исторического наследия. Немецкая сторона в лице

Нибура претендовала на них на правах наиболее «учёной» нации, более квалифицированной с точки зрения науки; для итальянцев это был вопрос личной собственности, действующей по принципу приобретательной давности (юрид. термин). Пристальное изучение данного дискурса позволяет углядеть в нём ряд актуальных политических проблем, одной из которых является проблема реституции.

Возвращение культурных ценностей в ходе Венского конгресса стало первым общеевропейским прецедентом подобного рода. Возникшая при этом проблема реституции существует до сих пор. Особо сильное звучание она приобрела после Второй мировой войны, когда был поставлен вопрос о возврате собственности, реквизированной Третьим рейхом. Сегодня её актуальность по-прежнему высока: золото Шлимана, египетская коллекция Британского музея и ряд других экспонатов, изъятых в ходе раскопок со своей исторической родины, в отношении которых уже давно не действует принцип провенантности [9]. Другим аспектом, не менее злободневным, является проблема исторической политики (Geschichtspolitik). Возникшее в Германии в конце прошлого века понятие было

заимствовано другими странами, став одним из ключевых приёмов современных политических практик (укрепление идентичности через позитивную оценку собственной истории [1]).

Владение источниками открывало широкие возможности в области интерпретации истории, позволяя привлечь прошлое на службу сегодняшнего дня. Работая рука об руку, историческая наука и историческая политика были способны обеспечить более прочное положение на политической арене; в этом нуждались и Германия, и Италия. Делая всё возможное, чтобы разрешить ситуацию в свою пользу, каждая из сторон задействовала властный ресурс. Будучи политическим деятелем, Нибур имел существенную поддержку со стороны первых лиц государства (или, по крайней мере, возможность обратиться к ним напрямую). В случае итальянской стороны это была власть, которой обладал служитель католической церкви на посту префекта библиотеки. Анализ описанного дискурса позволяет не только выявить названные проблемы, но и установить их тесную взаимосвязь.

Дата поступления в редакцию 07.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 4. С. 3–12.
2. Графтон Э. От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780-1850-е годы) / пер. с англ. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 59–92.
3. Классен Й. Бартольд Нибур, его жизнь и деятельность / пер. с нем. Л. О. Вейнберга. М.: Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1894. 114 с.
4. Лозинская Е. В. Диспут о романтической и классической поэзии в Италии в 1816–1820 гг. // Литературоведческий журнал. 2018. № 44. С. 190–219.
5. Полежаев А. И. Четыре нации // Полежаев А. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1987. С. 67–69.
6. Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции / пер. Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1987. С. 352–390.
7. Сазонова Т. А. Проблема народного духа в итальянских путевых заметках Ф. Либера (1820-е гг.) // SCHOLA-2021: сб. науч. статей / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2021. С. 718–724.
8. Стерхов Д. В. Новая концепция немецких Освободительных войн (1806–1815 гг.) в трудах Уте Планерг // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2. С. 138–152.

9. Стефко М. С. Колониальное наследие французских музеев и проблема реституции: по следам дискуссии вокруг доклада Б. Савуа – Ф. Сарра // *Наследие и современность*. 2020. № 3 (2). С. 36–43.
10. Lieber F. *Reminiscences of an Intercourse with Mr. Niebuhr, the historian, during a residence with him in Rome, in the years 1822 and 1823*. Philadelphia: Carey, Lea & Blanchard, 1835. 192 p.
11. Niebuhr B. G. *The History of Rome*. Vol. I. Cambridge, 1828. 556 p.
12. Vance N. *Niebuhr in England: History, Faith, and Order // British and German Historiography 1750–1950: Traditions, Perceptions and Transfers / B. Stuchtey, P. Wende, eds. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 83–98.*
13. Varvaro M. *Der «Glücksstern» Niebuhrs und die Institutionen des Gaius. Deutsch-italienische Wissenschaftspolitik im frühen 19. Jahrhundert. 2. erweiterte Auflage*. Heidelberg: M+M-Druck GmbH, 2014. 223 p.
14. Varvaro M. *Zwei wiederentdeckte Briefe Niebuhrs vom 23.9.1816 und ein anonymes Aufsatz in der 'Allgemeinen Literatur-Zeitung'* // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 80, 2012. P. 171–209.
15. Witte B. C. *Der preussische Tacitus. Aufstieg, Ruhm und Ende des Historikers Barthold Georg Niebuhr, 1776–1831*. Düsseldorf: Droste, 1979. 223 p.

REFERENCES

1. Bubnov A. Yu. [Historical politics and struggle of interpretations of collective past in the public sphere]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2017, vol. 4, pp. 3–12.
2. Grafton A. [Polyhistor into Philolog: Notes on the Transformation of German Classical Scholarship, 1780–1850]. In: Silakova S., transl. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2006, no. 6 (82), pp. 59–92.
3. Classen J. *Barthold Niebuhr, his life and works* (Rus. ed.: Weinberg L. O., transl. *Barthold Niebuhr, ego zhizn i deyatelnost*. Moscow, Vyschayshe prestizhnoye T-vo Spechatroni A. A. Levenson Publ., 1894. 114 p.
4. Losinskaja E. V. [The dispute about the classical and the romantic poetry in Italy in 1816–1820]. In: *Literaturovedcheskij zhurnal* [The literary journal], Moscow, 2018, no. 44, pp. 190–219.
5. Polezhaev A. I. *Chetyre natsii* [Four nations] In: Polezhaev A. I. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poetry]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1987. P. 67–69.
6. Rutenburg V. I. *Life and writings of Niccolo Machiavelli* (Rus. ed.: Rykova N. Y., transl. *Niccolo Machiavelli. Istoriya Florencii*. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 352–390).
7. Sazonova T. A. [The issue of national spirit in the Italian travel notes by F. Lieber (1820s)]. In: Shutov A. Yu., Shirinyants A. A., eds. *SCHOLA-2021* [SCHOLA-2021]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo Universiteta Publ., 2021, pp. 718–724.
8. Sterkhov D. V. [The new concept of the German Liberation Wars of 1806–1815 in the works of Ute Planert]. In: *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg historical journal], 2020, no. 2, pp. 138–152.
9. Stefko M. S. [French museums colonial heritage and the problem of restitution: following the discussion around the Savoy-Sarr report]. In: *Nasledie i sovremennost* [Heritage and Modern Times], 2020, no. 3 (2), pp. 36–43.
10. Lieber F. *Reminiscences of an Intercourse with Mr. Niebuhr, the historian, during a residence with him in Rome, in the years 1822 and 1823*. Philadelphia, Carey Publ., Lea&Blanchard Publ., 1835. 192 p.
11. Niebuhr B. G. *The History of Rome*. Vol. I. Cambridge, 1828. 556 p.
12. Vance N. *Niebuhr in England: History, Faith, and Order*. In: Stuchtey B., Wende P. *British and German Historiography 1750–1950: Traditions, Perceptions and Transfers*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 83–98.
13. Varvaro M. *Der «Glücksstern» Niebuhrs und die Institutionen des Gaius. Deutsch-italienische Wissenschaftspolitik im frühen 19. Jahrhundert. 2. erweiterte Auflage*. Heidelberg, M+M-Druck GmbH, 2014. 223 p.
14. Varvaro M. *Zwei wiederentdeckte Briefe Niebuhrs vom 23.9.1816 und ein anonymes Aufsatz in der 'Allgemeinen Literatur-Zeitung'*. In.: *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 80, 2012. P. 171–209.
15. Witte B. C. *Der preussische Tacitus. Aufstieg, Ruhm und Ende des Historikers Barthold Georg Niebuhr, 1776–1831*. Düsseldorf, Droste Publ., 1979. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сазонова Татьяна Алексеевна – аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: tatyana.alexeevna.16@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Sazonova – Postgraduate student, Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tatyana.alexeevna.16@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сазонова Т. А. «Прусский Тацит» Бертольд Нибур: историческая политика Германии и Италии в начале XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-75-82

FOR CITATION

Sazonova T. A. The «Prussian Tacitus» Berthold Niebuhr: historical policy in Germany and Italy in the early 19th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-75-82